

Богданова О. В. Полижанровые стратегии «Прогулок с Пушкиным» А. Терца (А. Синявского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 173—191. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-173-191.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). Multi-Genre Strategies of “Walking with Pushkin” by A. Terts (A. Sinyavsky). *Nauchnyi dialog*, 6: 173-191. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-173-191. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-173-191

Полижанровые стратегии «Прогулок с Пушкиным» А. Терца (А. Синявского)

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических наук, профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический
университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Multi-Genre Strategies of “Walking with Pushkin” by A. Terts (A. Sinyavsky)

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале книги «Прогулки с Пушкиным» Абрама Терца (Андрея Сиявского) поставлена цель определить основные стратегии повествования, которые осуществил писатель. Авторы демонстрируют, что наряду с жанровыми определениями «романа», «повести», «эссе» терцевская нарративная опосредована приемами «филологической прозы» и научным дискурсом. Показано, что маркерами научной дискурсивности повествования Сиявского-Терца в «Прогулках с Пушкиным» становится ряд характерологических признаков: композиционное членение, выдвижение цели и задач анализа, освещение истории вопроса, избрание методики исследования, определение новизны работы, установление перспектив, обеспечение структурной цельности, соблюдение хронологии в осмыслении материала, использование биобиблиографического аппарата и др. По мнению авторов, опыт Сиявского, ученого-исследователя, защитившего диссертацию в МГУ, работавшего в ИМЛИ АН СССР, читавшего лекции в МГУ и Студии МХАТ, наложили отпечаток на характер организации материала в «Прогулках...» и послужили структурным каноническим филологическим изысканием. Установлено, что «свободная» манера изложения научных наблюдений служит Терцу экспрессивным средством сосредоточения внимания на наиболее острых вопросах отечественной пушкинистики, актуализирующей связь истории и современности (осмысление Терцем собственного творчества, манифестации принципа «чистого искусства», семантизации принципа свободы в рамках литературы соцреализма и др.).

Ключевые слова:

А. Сиявский (А. Терц); Прогулки с Пушкиным; жанровые дефиниции; маркеры нарратива; стратегии научного дискурса.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the material of the book “Walking with Pushkin” by Abram Terts (Andrey Sinyavsky), the goal is to determine the main narrative strategies that the writer implemented. The authors demonstrate that along with the genre definitions of “novel”, “novella”, “essay”, the narrative is mediated by the techniques of “philological prose” and scientific discourse. It is shown that markers of scientific discursively narrative Sinyavsky-Terts in “Walking with Pushkin” is the number of characteristic features: composite partitioning, the extension of the goals and objectives of the analysis, the coverage of the history of the problem, selection of research methodology, the definition of the novelty of the work, the establishment of perspectives, providing structural integrity, respect of chronology in understanding material, the use of the bibliographic apparatus, etc. According to the authors, the experience of Sinyavsky, a research scientist, who defended the dissertation at MSU, working in world literature of the Academy of Sciences of the USSR, who read lectures at Moscow state University and the Moscow art theatre Studio, influenced the nature of the material in the “Walking...” and served as canon of structural research. It is established that a “free” manner of presentation of scientific observations is expressive means of focusing attention on the most pressing issues of domestic scientists to update the relationship of history and modernity (his understanding of own creativity, manifestation of the principle of “pure art”, the semantics of the principle of freedom within the literature of socialist realism, etc.).

Key words:

A. Sinyavsky (Abram Terts); Walking with Pushkin; genre definitions; markers of a narration; the strategy of scientific discourse.

Полижанровые стратегии «Прогулок с Пушкиным» А. Терца (А. Снявского)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

1. Введение

«Прогулки с Пушкиным» Абрама Терца (Андрея Снявского) написаны в 1966—1968 годах в Дубровлагере — так значится под текстом произведения [Терц, 1992]. Первая публикация «Прогулок...» (на русском языке) состоялась в Лондоне в 1975 году [Терц, 1975], в Париже — в 1977 [Терц, 1977]. В России отдельный фрагмент «Прогулок...», отобранный самим автором, появился в журнале «Октябрь» [Терц, 1990б], целиком — в журнале «Вопросы литературы» [Терц, 1990а].

Появление «Прогулок с Пушкиным» в печати вызвало большой «переполох» [Марченко, 1990, с. 94], разразившийся в литературных кругах, — причем не только постсоветской России, но и среди русской эмиграции (как в Европе, так и в Америке). Роман Гуль скандально определил эссе Терца как «Прогулки хама с Пушкиным» [Гуль, 1982, с. 5], Вольфганг Казак в «Лексиконе» — как «на редкость вызывающую книгу» [Казак, 1991, с. 423], Александр Солженицын назвал «Прогулки...» «изошренными спекуляциями» «эстета-литературоведа» [Солженицын, 1999, с. 638, 635].

В России обсуждение «Прогулок...», организованное Пушкинской комиссией ИМЛИ (АН СССР) им. А. М. Горького и состоявшееся в рамках «Круглого стола» вслед за журнальной публикацией в «Вопросах литературы», имело огромный резонанс и поставило множество дискуссионных вопросов [Обсуждение ..., 1990, с. 77—153]. Фактически именно этот «Круглый стол», участники которого (литературоведы, критики, писатели) стремились «поговорить об этой книге на уровне профессиональном» [Непомнящий, 1990, с. 78], во многом и определил перспективы сегодняшнего восприятия текста Снявского-Терца.

2. Жанрово-дискурсивные и композиционно-нарративные особенности «Прогулок с Пушкиным»

Выступающий на «Круглом столе» С. Бочаров одним из первых высказал мысль о том, что книгу Терца «невозможно обсуждать <...> просто как литературоведческое сочинение о Пушкине»: «само по себе пушкиноведение Снявского-Терца “Прогулки с Пушкиным” — *литература не меньше чем литературоведение*» (курсив наш. — О. Б., Е. В.) [Бочаров,

1990, с. 78]. Сегодня тем более ясно, что при обращении к тексту Терца следует оставаться прежде всего в границах литературного явления и отодвинуть на background представление о том, что «Прогулки с Пушкиным» могли быть восприняты как «событие общественное, политическое» [Обсуждение, 1990, с. 77] (хотя очевидно, что и таковой ракурс актуализируется в отдельных фрагментах текста книги-эссе).

Одной из первых и самых выразительных («скандальных») особенностей, на которую обратили внимание критики и исследователи «Прогулок...», в том числе участники «Круглого стола» в «Вопросах литературы», стала *манера повествования* Терца — речевая «раскрепощенность» и «расхристанность» [Роднянская, 1990, с. 87], «неформальный язык», сильно «сдвинутый в пародию» [Марченко, 1990, с. 95], «совмещение серьезности и смеха», «взгляд остранный, в известном смысле — эпатирующий и карнавальный» [Манн, 1990, с. 99], «фрагментарность», «сдвиги и деформации» [Архангельский, 1990, с. 106], пропитанность текста «политическими реалиями и блатными речениями», «неакадемическими замечаниями» [Бочаров, 1990, с. 78]. По словам Е. Сергеева, книга Терца написана в «скандально-драчливом тоне», пронизана «глубоко личными, чисто субъективными» представлениями, это «мозговая игра», «своего рода буриме», острый «критический выпад» [Сергеев, 1990, с. 85]. В представлении С. Куняева, книга Терца — «запузыренная ересь», оформленная «блатным языком» с утверждением «пафоса лагерно-уголовной среды» [Куняев, 1990, с. 101]. И если последние эмоциональные эскапады принять всерьез вряд ли возможно, то суждения авторитетных литературоведов, приведенные выше, действительно близки к истине: язык, речь, манера повествования Терца в разговоре о Пушкине неакадемичны (С. Бочаров) и карнавальны (Ю. Манн), они сознательно ориентированы автором не на поддержание устойчиво сложившейся *академической* пушкинской «мифологии», а на ее развенчание.

Однако возникает вопрос: действительно ли вопрос формы — манеры нарративного изложения — столь важен Синявскому-Терцу? Верно ли, что «развенчание» является главной целью терцевского повествования? И если развенчание, то какого рода: Пушкина? русской литературы? научного академизма? Или задача Синявского-Терца состояла в ином и только на внешнем (поверхностном) уровне была сопряжена с эпатажем?

Обращает на себя внимание, что размышления Синявского-Терца о Пушкине обретают некое «странное» жанровое оформление, которое в критике не подлежит квалификации. Кто-то называет повествование Терца романом [Розанова, 1990; Куняев, 1990: и др.], кто-то повестью [Вайль и др., 1990; Орлицкий, 1999; и др.], кто-то эссе [Солженицын, 1999; Вол-

гин, 1990; и др.], чаще всего исследователи прибегают к нейтральной дефиниции повествования Терца — просто *книга*. Между тем специалистам очевидно, что признаков романной или повестийной наррации в тексте Синявского нет, подобные определения носят скорее практический («эксплуатационный») характер. Номинация «Прогулок...» как эссе имеет больше мотивационных признаков, но и они не абсолютны. Дефиниция «книга», как понятно, и вовсе обходит жанровые константы и принимает обобщающий абрис.

Между тем если внимательно приглядеться к формальным маркерам повествования Синявского, то становится очевидным, что автор избирает структурно-композиционную форму *научного дискурса*, почти диссертации (бакалаврской или магистерской, кандидатской или докторской), пронизанной узнаваемыми формообразующими узлами и нарративными стратегиями. Жанр «статья» в данном случае, естественно, отвергается по причине объема предлагаемого исследования. Но в этой связи весьма родственной Синявскому-Терцу оказывается определение П. Вайля и А. Гениса — «филологическая проза», которое, правда, возникло позже, применительно к прозе Сергея Довлатова [Генис, 1999, с. 5], однако подобный «анахронизм» не меняет сущности дела — повествование в «Прогулках...» действительно представляет собой образец филологической прозы, применительно к работам Синявского по Пушкину (и Гоголю) пока не нашедшей научной конкретизации, но объединившей воедино интенции художника-творца и литературоведа-исследователя. Понятно, что определение «научная» в данном случае может иметь варианты — псевдонаучная, околонуучная, квазинаучная и др., однако на данном этапе важно акцентировать не меру и глубину научности исследования Синявского-Терца, а стратегию изложения, ракурс избранной жанровой ориентации (номинации).

3. Интертекстуальное поле «Прогулок»

Как известно, в любом произведении первым привлекает внимание перитекст — название книги, имя ее автора, эпитафия (если таковой имеется). Что касается эпитафии, который открывает текст Терца, кажется, его присутствие противоречит канонам научной наррации. Однако, с одной стороны, именно эпитафия у Синявского обеспечивает связь со знаменитой книгой В. В. Вересаева, с первым Предисловием к документализированной хронике «Пушкин в жизни» (1927), и тем самым подсказывает компетентному реципиенту исходный претекст, на который опирался и от которого отталкивался автор-исследователь (в данном случае — писатель-исследователь). При этом эпитафия к «Прогулкам...», на наш взгляд, взят не непосредственно из Гоголя, но почерпнут именно из Вересаева, из его

пушкинского текста (цитата из «Ревизора» открывает вересаевский текст [Вересаев, 1992, с. 5]). Потому, если бы Синявский под цитатой «”Бывало, часто говорю ему: “Ну, что, брат Пушкин?” — “Да так, брат”, отвечает бывало: “так как-то всё...” Большой оригинал”» поставил не имя Гоголя, а Вересаева, то не очень покривил бы против истины, а, наоборот, сразу обнаружил (предложил) бы условия постмодернистской игры «qui pro quo», которую в дальнейшем будет эксплуатировать повествователь. Так, например, он по-постмодернистски свободно («легко») приписывает строки Пушкина Пастернаку [Терц, 1992, с. 412] или вкладывает известную сентенцию Некрасова в уста Ломоносова [Терц, 1992, с. 399].

С другой стороны, в стратегиях неканонического академизма, который демонстрирует исследование Терца, эпиграф к научной работе утрачивает чужеродность и привносит черты беллетризации, «олитературивания» текста, придает изложению элементы художественности, признаки «филологической прозы». Другими словами — позволяет автору ориентироваться на стандарты научного исследования и одновременно отклоняться от них. Таким образом, эпиграф «Прогулок...» — это первый маркер-сигнал, который указывает на субъективный характер проводимого научного, должно быть объективным, исследования, предпринимаемого Синявским-Терцем. Эпиграф не только композиционно, но и полиграфически отделен от основного текста работы — во всех изданиях, подготовленных самим Синявским или М. В. Розановой [Терц, 1989], он занимает отдельную страницу, располагается изолированно, то есть акцентирован, чтобы не быть пропущенным и не замеченным. Это своеобразный камертон, которым задается тональность всей «прогулки», всего расследования: легкость, приятельство, панибратство. Абрис научного академического исследования а priori растушевывается и преодолевается личностными интонациями изыскателя, ориентированного не на одноличное (= обезличенное) повествование, а на институционный диалогизм (полилогизм, интертекст).

4. Научный дискурс «Прогулок»

Легко заметить, что уже первые строки «Прогулок с Пушкиным» задают установку исследования, формулируют изыскательскую проблему, ставят вопросы, определяют задачи, которые намерен осветить и разрешить автор.

Центральный вопрос исследования: «При всей любви к Пушкину, граничащей с поклонением, нам как-то затруднительно выразить, в чем его гениальность и почему именно ему, Пушкину, принадлежит пальма первенства в русской литературе...» [Терц, 1992, с. 341].

История вопроса: «Позволительно спросить, усомниться (*и многие усомнились*): да так ли уж велик ваш Пушкин, и чем, в самом деле, он знаменит за вычетом десятка-другого ловко скроенных пьес, про которые ничего не скажешь, кроме того, что они ловко сшиты?» [Терц, 1992, с. 341].

Направление исследования: «И, быть может, постичь Пушкина нам проще не с парадного входа, заставленного венками и бюстами с выражением неуступчивого благородства на челе, а с помощью анекдотических шаржей, возвращенных поэту улицей словно бы в ответ и в отместку на его громкую славу» [Терц, 1992, с. 341].

Избранная методика: «Отбросим не идущую к Пушкину и к делу тяжеловесную сальность этих уличных созданий (распространенных анекдотов о Пушкине. — *О. Б., Е. В.*), восполняющих недостаток грации и ума простодушным плебейским похабством. Забудем на время и самую фривольность сюжетов, к которой уже Пушкин имеет косвенное отношение...» [Терц, 1992, с. 341].

Цель: «Что останется тогда от карикатурного двойника, склонного к шуткам и шалостям и потому более-менее годного сопровождать нас в экскурсии по священным стихам поэта — с тем чтобы они сразу не настроили на возвышенный лад и не привели прямым каналом в Академию наук и художеств имени А. С. Пушкина с упомянутыми венками и бюстами на каждом абзаце? Итак, что останется от расхожих анекдотов о Пушкине, если их немного почистить, освободив от скабрёзного хлама?..» [Терц, 1992, с. 341—342].

Рабочая гипотеза: «Вероятно, имелось в Пушкине, в том настоящем Пушкине, нечто, располагающее к позднему панибратству и выбросившее его имя на потеху толпе, превратив одинокого гения в любимца публики, завсегда танцулёк, ресторанов, матчей...» [Терц, 1992, с. 342].

А ргoрoс: Если учесть, что по форме первые наблюдения Синявско-Терца над Пушкиным — это частные письма к жене, вряд ли с первых страниц готовившиеся к публикации, то можно понять, откуда в тексте появляется блатная лексика и речевые обороты типа: «Да это же наш Чарли Чаплин, современный эрзац-Петрушка, прифрантившийся и насобачившийся хилять в рифму...» [Терц, 1992, с. 342]. Нетрудно предположить, что подобные обороты были теми очень личными ремарками, которыми адресант Синявский пересыпал лагерные письма к жене, рассчитывая на ее живую реакцию. Но впоследствии, когда М. В. Розанова самостоятельно (Синявский еще находился в лагере) отбирала эпистолярные отрывки и группировала их в единое повествование [Розанова, 1990, с. 156], это по её прихотливой воле были включены или не включены в целостный текст те или иные «околоблатные» реплики. Показательно ее восклицание: «Это

моя книжка!» [Розанова, 1990, с. 154]. М. В. Розанова действительно очень «по-моему (по-своему)» формировала будущий текст, явно ориентируясь на скандальность предстоящей зарубежной публикации. Поэтому, когда критики разных направлений обвиняют Синявского в «приблатненной» лексике и «лагерной» стилистике текста, во-первых, в такого рода разговорно-блатных речениях, на наш взгляд, авторства и воли Терца-Синявского (может быть и) меньше, чем (Терца-)Розановой, во-вторых, подобного рода «вольностей», как ни странно, в тексте до парадоксального мало, они локальны и единичны и представляют собой, на наш взгляд, «следы» частной переписки. В речи терцевского нарратора достаточно других — органичных его фривольности — разговорных форм и оборотов. Атрибутированность же и связь с основным (собственно терцевским) текстом радикальных суждений и образов типа «Чарли-Чаплина» или «нагана» — дело будущего, того времени, когда возможная публикация факсимиле писем Синявского предоставит материал для уточнения воли автора и своеволия «редактора-составителя». На наш взгляд, частная эмоция Синявского оказалась достоянием общественного мнения преимущественно по воле Розановой.

Неслучайно последующие размышления Синявского вновь и быстро (уже в следующей фразе текста — может быть, в новом письме, может быть, в записях следующего дня) возвращаются в русло аналитики и, согласно логике научного дискурса, предлагают ответы на вопросы, которые поставил перед собой автор. Хорошо освоивший методы аналитического осмысления текста (опыт МГУ, ИМЛИ, Студии МХАТ и др.), Синявский намечает те особенности поэтической манеры Пушкина, которые, с его точки зрения, были истоком и основой мирозерцания Пушкина-поэта.

Заметим, что и в структурно-композиционном плане книга Синявского-Терца научна, почти диссертационна: она последовательно разделена на главы, отделенные друг от друга пробелами и лигатурой астериска (звездочками ***).

5. «Терцированная» пушкинистика

Уже в первой главе (***) Синявский-Терц приходит к исходно гипотетическому наблюдению, что самым первым и самым важным впечатлением от поэзии Пушкина становится *легкость* — легкость в жизненных впечатлениях и легкость в рождении поэтического слова. «До Пушкина почти не было легких стихов. Ну — Батюшков. Ну — Жуковский. И то спотыкаемся. И вдруг, откуда ни возьмись, ни с чем, ни с кем не сравнимые реверансы и повороты, быстрота, натиск, прыгучесть, умение гарцевать, галопировать, брать препятствия, делать шпагат и то стягивать, то растягивать стих по требованию, по примеру курбетов, о которых он рассказывает

с таким вхождением в роль, что строфа-балерина становится рекомендацией автора заодно с танцевальным искусством Истоминой» [Терц, 1992, с. 342—343].

Навык ученого-литературоведа хронологически обращает Синявского к лицейскому периоду в жизни Пушкина и подводит его к пониманию этиологии легкости ранней лирики поэта, которая разовьется в его последующем творчестве. По мысли Синявского, «Пушкин должен был пройти лицейскую подготовку — приучиться к развязности, развить гибкость в речах заведомо несерьезных, ни к чему не обязывающих и занимательных главным образом непринужденностью тона, с какою вьется беседа вокруг предметов ничтожных, бессодержательных» [Терц, 1992, с. 343]. Кажется, Терц неакадемично бросает: «Он начал не со стихов — со стишков» [Терц, 1992, с. 343]. Однако мотивация исследователя если не по форме, то по существу основательна и убедительна: «Взамен поэтического мастерства, каким оно тогда рисовалось, он учится писать плохо, кое-как, заботясь не о совершенстве своих “летучих посланий”, но единственно о том, чтобы писать их по воздуху — бездумно и быстро, не прилагая стараний...» [Терц, 1992, с. 343]. Синявский метафорически тонко подмечает: «Установка на необработанный стих явилась следствием “небрежной” и “резвой” (любимые эпитеты Пушкина о ту пору) манеры речи, достигаемой путем откровенного небрежения званием и авторитетом поэта» [Терц, 1992, с. 343].

Филолог внимателен к поэтическому тексту, чуток к пушкинским эпитетам. И вывод об «авторитете поэта» логичен: как известно пушкинистам, в Лицее первым поэтом считался не Пушкин, а Алексей Илличевский, лавры первенства отдавались тому и самим Пушкиным. Зная биографию юного Пушкина, помня о его любовных проказах и юношеском озорстве, действительно можно согласиться, что «дебютант»-лицеист «ставил ни в грош искусство» и «демонстративно отдавал предпочтение бранным дарам жизни» [Терц, 1992, с. 343], любовным страстям и юношеским влечениям. Эротизм, по Синявскому, во многом предопределяет легкость ранних стихов Пушкина и формирует критерии ученического периода поэта.

Опора для, казалось бы, вольных суждений Синявского — базовый претекст-хроника В. В. Вересаева, свидетельства очевидцев, в том числе преданных друзей-лицеистов, собранные в книге «Пушкин в жизни».

«Учился Пушкин небрежно и лениво...» [Вересаев, 1992, с. 29].

«...мы все видели и слышали <...> как всегда легкий стих его вылетал подобно “пуху из уст Эола”» [Вересаев, 1992, с. 41].

«Пушкин <...> имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкой и тонкой, нежели глубокой ум...» [Вересаев, 1992, с. 76].

«Пушкин <...> способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики...» [Вересаев, 1992, с. 88].

«Очень ленив, в классе не внимателен и не скромнен, способностей не плохих, имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия...» [Вересаев, 1992, с. 91].

О юношеской поэме Пушкина с выразительным названием «Монах»: «Пушкин написал было поэму “Монах”. Кн. Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это недостойно его имени...» [Вересаев, 1992, с. 101]. «Пользуясь своим влиянием на Пушкина, кн. Горчаков побудил его уничтожить <...> произведение, “которое могло бы оставить пятно на его памяти...”» [Вересаев, 1992, с. 101].

Даже несколько цитат из Вересаева позволяют объяснить и мотивировать тот характер «своеволия», который якобы избрал для себя Синявский. Как видно из хроникального претекста, Синявский следовал непосредственно за Вересаевым. И в согласии с ним должен был исповедовать принцип: «Повторяю: критическое отсеивание материала противоречило бы самой задаче этой книги. Я, напротив, старался быть возможно *менее* строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно все, дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного» (курсив автора. — *О. Б., Е. В.*) [Вересаев, 1992, с. 9].

Поэтому, когда Синявский-Терц произносит свою знаменитую фразу: «На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох» — он только *по-пушкински* легко оформляет свое суждение и по существу оказывается, несомненно, прав. Именно легкая (и легковесная) юношеская поэзия — «стишки», в большей или в меньшей степени «достойные / недостойные» — открывали Пушкину путь в большую литературу, в Поэзию.

Права М. Розанова, когда по поводу обвинений Терца в эпатаже восклицает: «Ощущение такое, что за семьдесят лет <...> многие стали читать по складам и только буквально» [Розанова, 1990, с. 160]. Она убедительно разъясняет: «Что здесь может быть эпатирующим? Ведь если мы напишем эту сакраментальную фразу <...> другими словами, получится приблизительно так: “А. С. Пушкин, вошедший в большую поэзию своей ранней любовной лирикой, привлек всеобщее внимание”. Все нормально: вошел и привлек...» [Розанова, 1990, с. 160].

Не намереваясь атрибутировать «по Пушкину» каждое слово Синявского-Терца, между тем заметим, что его речь тонка, игрива и метафорична в традициях пушкинского времени. Рассуждая, например, о «женолюбии юности» [Терц, 1992, с. 347], Синявский действительно перенимает пуш-

кинский слог и слово и в пушкинском духе творит собственные окказионализмы: «Не плоть — эфирное тело плоти, ея Психею, нежную ауру поймал Пушкин, пустив в оборот все эти румяные и лилейные ножки, щечки, персики, плечики, отделившиеся от владелиц и закружившиеся в независимом вальсе, “как мимолетное виденье, как гений чистой красоты”» [Терц, 1992, с. 347]. Архаическая форма местоимения «ея», упоминание древнегреческой богини Психеи, забытые эпитеты «эфирное» и «лилейное», мелькание почти-пушкинских «ножек», цитатная строка — все эти признаки эксплицируют знаки и символы пушкинского мировидения, пушкинского поэтического зрения. И среди них едва заметно и очень органично вдруг мелькают «персики». С одной стороны, Синявский использует устаревшее определение женской груди — перси, с другой — весьма оригинально превращает их в метафору маленькой женской груди, похожей на персики. Подобная словотворческая вольность, интерференция, на наш взгляд, тоже сродни пушкинской, отчасти поэтической, отчасти ироничной.

Следуя той же — пушкинской — тенденции, Синявский умело архаизирует и поэтизирует речь, насыщает ее неожиданными образными выражениями. В современном языке, как известно, бытует поговорка *бегать за каждой юбкой*. Синявский погружает фразеологизм в прошлое, и он обретает у него поэтически трансформированный вид: в рассуждениях о пушкинской влюбчивости устойчивый оборот уже звучит как «волочиться за каждым шлейфом» [Терц, 1992, с. 348]; этот вариант приобретает черты историчности, ауру поэтичности и любования. В том же образном ряду оказываются и новообразования «эрудиты амурной науки» [Терц, 1992, с. 348], и рассуждения о «зефирах женского туалета» [Терц, 1992, с. 349].

Игра словами, которую затевает Синявский, — мастерски выверена и отточена. Задумываясь о любви женщин к ветреникам, рассуждая о «воздушной организации» последних, Синявский (в духе Пушкина) приходит к заключению: «С ветрениками женщине легче нащупать общий язык, попасть в тон. Короче, их *сестра* невольно чует в ветренике *брата* по духу» [Терц, 1992, с. 349]. Семантика лексем *брат* и *сестра* выходит за пределы определения кровного родства и легко вступает в разряд понятий переносных, фразеологических, игровых.

Звукопись пушкинского стиха чутко воспринимается писателем-исследователем и возрождается-воспроизводится в тексте «Прогулок...». В хронологическом порядке прослеживая творческий путь молодого поэта, Синявский обращается к первой пушкинской поэме — «Руслан и Людмила» (1820) — и не просто использует ассонанс и аллитерацию в ее описании, но умеет придать звуковому образу смысл и значение. Характеризуя особенности поэмы и используя, казалось бы, просто и удачно

аллитерированные слова — «турниры в турнюрах, кокотки в кокошниках, боярышни в сахаре, рыцари на меду, медведи на велосипеде, охотники на привале» [Терц, 1992, с. 351] — Синявский точно обрисовывает самобытность поэмы, указывает на ее простонародную образность, «русский дух», потрясший пушкинское общество. В периодике публикация поэмы Пушкина сравнивалась с появлением мужика в лаптях и армяке в благородном собрании. И Синявский актуализирует этот ракурс, достаточно только взглянуть в образы «турнира в турнюре» или представить себе «кокотку в кокошнике». Синявский-Терц, несомненно, использует здесь и прием иронизации — интертекстуальные «медведи на велосипеде» от К. Чуковского или «Охотники на привале» от В. Перова (наряду с гастрономическими «боярышни<ком> в сахаре» или «рыцарями <напр., трепангами> на меду»), при этом следует вновь за Пушкиным, обильно пронизавшим строки «Руслана и Людмила» ироико-комическими пассажами (в том числе адресованными «побежденному-учителю» В. А. Жуковскому).

По мысли Синявского-исследователя, легкость и эротизм поэзии Пушкина через народные мотивы (по-своему «скандальной») поэмы «Руслан и Людмила» постепенно (по мере взросления) выводят поэта на конститутивную слагаемую его творческой идеи — свобода. И тогда формируется принципиальный для Пушкина «триумвират» — «поэзия, любовь и свобода» [Терц, 1992, с. 352]. Как вариант — легкость, эротизм, вольнолюбие. Именно они, в представлении Синявского, обеспечивают своеобразие и самобытность мира поэта, наделенного правом приоритетного выбора внутри «треугольника».

Требовательным критикам Терца показалось неприемлемым его определение Пушкина как «круглого» писателя: «Самый круглый в русской литературе писатель» [Терц, 1992, с. 377]. Однако, как и в ряде других случаев, постмодернистская форма выражения не исключает точности и глубины наблюдения исследователя. По Синявскому-Терцу, Пушкин «повсюду обнаруживает черту — замкнутость окружности, будь то абрис событий или острый очерк строфы, увязанной, как баранки, в рифмованные гирлянды» [Терц, 1992, с. 367]. Если за (неточным с научной точки зрения) определением «круглый» разглядеть эпитеты «циклический» и «цельный» — в смысле единства и целостности восприятия окружающего мира, то становится очевидным, каким образом в рамках пушкинско-терцевского круга возникают понятия рока и случая, рокового случая.

В диссертационной манере обращаясь к повести «Метель» (1830), Синявский умело и метафорично (не сухо и академично) передает суть «фигуры круга» [Терц, 1992, с. 357] и соотношения в нем концептов рок / случай. С его точки зрения, пушкинская метель, которая запутала героев

жениха и невесту только затем, «чтобы они, вконец заплутавшись, нашли и полюбили друг друга не там, где искали, и не так, как того хотели», поражает искусством, с каким «из метельного сумрака человеческих страстей и намерений судьба, разъединяя и связывая, самодержавно вырезает спирали своего собственного, прихотливо творимого бытия» [Терц, 1992, с. 357], то есть *рокового случая*. Опираясь на текст «Пиковой дамы» (1833), Синявский объясняет «закрученность и закругленность» фабулы другого произведения, где, по его словам, «случай <...> рубит судьбу под корень» и обеспечивает ей «научный базис» [Терц, 1992, с. 358].

Метафорическая образность языка (выразительная аллитерация «закрученность» и «закругленность», «любовники и любители», «мания и магия» и др.) не мешает вниманию к роли случая в судьбе героев Пушкина и к его художественной функции на уровне фабулы и сюжета (именно эти научные термины использует исследователь). Если специалистам-пушкинистам подобные наблюдения могут показаться знакомыми и уже утвердившими себя в пушкиноведении, то нам важнее констатировать, что логика терцевских изысканий не дилетантская, но профессиональная, литературоведческая, опосредованная логикой научных наблюдений. И если вопрос о соотносительности рока и случая может показаться специалистам-филологам знакомым и отработанным, то уже следующая теза, которую выдвигает писатель, нова и актуализируется им в плане интересующих *его* аналогий. Для Синявского-Терца (особенно в условиях тюремно-лагерной несвободы) случай есть способ философизации свободы: «Случайность знаменовала свободу рока, утратой логики обращенною в произвол и растерзанной, как пропойца, человеческой необеспеченностью» (в оригинале так. — *О. Б., Е. В.*) [Терц, 1992, с. 358]. Для него случай — это свобода, «чреватая катастрофами, сулящая приключения, учащая жить на фуфу», «единственный, никем не предусмотренный шанс выйти в люди, встретиться лицом к лицу с неизвестностью, ослепнуть, потребовать ответа, отметиться и, падая, знать, что ты не убит, а найден, взыскан перстом судьбы в вещественное подержание случая, который уже не пустяк, но сигнал о встрече, о вечности — “бессмертья, может быть, залог”» [Терц, 1992, с. 358].

Собственная ситуация ограничения свободы (человека и художника) приводит Синявского к чувствованию той же несвободы Пушкиным — отсюда мыслительный переход к знаменитым строкам последнего: «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?..» [Терц, 1992, с. 358]. Философские размышления Пушкина смыкаются с глубинной рефлексией Синявского и сближают (объединяют для них обоих) понятия жизни и случая, жизни-случая. И далее, в стратегиях научного изыскания,

Синявский формирует историко-литературный контекст, в котором намерен проверить убедительность достигнутого наблюдения. Он, обнаруживая обширную эрудицию, вводит в текст исторические ситуации («насморк» Наполеона под Ватерлоо), примеры из позднесредневековой литературы (Шекспир и его «Лукреция»), собственно пушкинский (авто) контекст («Граф Нулин»). И хотя (по мнению критически настроенных специалистов) вольность переходов и ассоциативность аргументирующих позиций у Синявского-Терца сомнительна, однако, на наш взгляд, «внутренний академизм» предложенных автором взаимосвязей и пересечений убедителен и основателен.

Заметим а прогос, что все «Прогулки...» — своеобразное филологическое исследование Синявского-Терца — существенным образом оснащены ссылками, сносками, указанием на источник, атрибуцией той или иной цитаты. При этом сноски и ссылки носят самый разный характер. Они могут быть погружены в текст [Терц, 1992, с. 342, 346, 406, 419 и др.], могут быть вынесены в постраничные сноски [Терц, 1992, с. 348, 355, 358 и др.]. Могут быть пояснительными [Терц, 1992, с. 348—349, 421 и др.], уточняющими [Терц, 1992, с. 358, 428 и др.], иллюстративными [Терц, 1992, с. 365 и др.], сопоставительными [Терц, 1992, с. 365, 379, 392 и др.]. Чаще всего источниковыми. Это еще раз подтверждает выдвинутое ранее суждение о том, что книга «Прогулки с Пушкиным» во многом подчинена законам организации научного (диссертационного) исследования, хотя и исполненного с эксплуатацией метафорических приемов художественного повествования. Вряд ли можно говорить о намеренности (сознательности) выбора писателем именно такого жанрового формата, однако апелляция к тактикам научного мышления дает о себе знать, она органична Синявскому.

В связи с этим важно отметить, что согласиться с именем-псевдонимом Абрам Терц и принять его только в звуковой форме можно и должно, понимать природу его реанимации необходимо. Однако всякий раз эксплицировать воровскую и преступную этимологию маски и ею оправдывать «одиозность» повествования, на наш взгляд, исследователи не должны. В авторе «Прогулок с Пушкиным» кроме весьма локальных и эпизодичных речевых оборотов ничего от Абрамки Терца нет. «Прогулки с Пушкиным» могли быть итогом размышлений только исследователя Синявского, а не Терца. При этом избранная писателем фривольно-панибратская стилистика изложения, как уже было отмечено, с одной стороны, соответствовала *легкости* стиля осмысляемого Пушкина, с другой — становилась условием обнаружения (творческой) *свободы*, которой был лишен заключенный-Синявский. Форма сказа, которая могла бы быть реализованной

в мистификации «Абрам Терц», не нашла своего воплощения. Образцовые примеры ни лесковского, ни бажовского сказа не были положены в основу наррации Терца, даже маска, подобная пушкинскому Белкину, не оказалась задействованной в тексте. На наш взгляд, в случае с «Прогулками с Пушкиным» согласиться на авторство Терца [Обсуждение ..., 1990, с. 96; и др.] означает уйти от существа вопроса, от понимания глубины созданного Синявским художественного произведения и заслуживающего внимания специалистов-пушкинистов литературоведческого текста. Маскирующий псевдоним «Абрам Терц», избранный Синявским для художественной прозы, на наш взгляд, приемлем и актуализован (и был таковым особенно в 1950—60-х), но, как показывает анализ, «маска-автор» в тексте исследовательских «Прогулок...» в качестве субъекта-нарратора не работает, «масочная» функция не только не ослаблена, но и не задействована всерьез ни в одном из пластов художественного текста.

Было бы легко, сославшись на авторство Терца, отвергнуть суждение Синявского о случае и его роли в смерти Пушкина. Однако, как понятно из повествования, Синявский, исследователь и литературовед, ученый и филолог, решительно оттесняет далеко на периферию текста мелькающий абрис Абрама Терца и сам очень взвешенно рассуждает по поводу этой важной (научной) проблемы.

О смерти Пушкина, как известно, написаны многие тома научной литературы. В недавнем прошлом в Санкт-Петербурге (СПбГУ) защищена обстоятельная докторская диссертация заведующей Мемориальным музеем-квартирой на Мойке, 12 историка Г. М. Седовой по документальным (и художественным, заметим) обоснованиям причин и условий дуэли на Черной речке [Седова, 2020]. Однако до сегодняшнего дня остаются вопросы, которые терзали современников Пушкина и продолжают оставаться неразрешенными: «Естественно ли, чтобы великий человек, в зрелых годах, погиб на поединке, как неосторожный мальчик?» (Е. Баратынский) [Терц, 1992, с. 362]. Особенно парадоксален этот вопрос в свете ставших общедоступными в последнее время сведений о том, что Дантес отличался нетрадиционной ориентацией [Седова, 2020; и др.]. Чем высокий тенор Дантеса (или нидерландского посланника Геккерена) мог оскорбить Пушкина или задеть честь его жены? Найти логичные объяснения этому парадоксу нет оснований.

Между тем Синявский (хотя и в облегченной форме) предлагает, кажется, единственно верное и убедительное объяснение — случай. «Случайный дар был заклан в жертву случаю» [Терц, 1992, с. 362]. Весь ранее предложенный Синявским анализ случайных эпизодов в творчестве Пушкина (от «Метели» до «Капитанской дочки») позволяет осознать величие и

значимость случая в жизни любого человека — реального или вымышленного, исторического или литературного. Не случайно наполеоновский наморк, по Пушкину, является основанием для осмысления причин поражения французской армии при Ватерлоо — и далее пушкинское же: «Мы все глядим в Наполеоны...» Но не в плане того, что мы все хотим походить на наполеонов, а в том смысле, что в жизни *каждого* человека царствует случайность — будь то Пушкин, Пугачев, Петр I или бедный, сошедший с ума Евгений, во время наводнения в Петербурге случайно потерявший Парашу. Напомним, что случай (перебежавший дорогу заяц) спас Пушкина от участия в восстании на Сенатской площади. То есть смерть Пушкина, по Синявскому, — та самая роковая случайность, в которой неразъединимо и необъяснимо сплетены рок и случай. И такое объяснение, на наш взгляд, наиболее основательно и много убедительнее, чем (якобы) поиск поэтом смерти в последние годы (П. Е. Щеголев) или необходимость защиты (не) поруганной чести (Г. М. Седова). «Смерть на дуэли настолько ему соответствовала, что выглядела отрывком из пушкинских сочинений» [Терц, 1992, с. 362]. Синявский задается серьезным вопросом: «Не этот ли заключительный фортель он [Пушкин] предчувствовал в “Каменном Госте”, в “Выстреле”, в “Пиковой Даме”? Или здесь действовало старинное литературное право, по которому судьба таинственно расправляется с автором, пользуясь, как подстрочником, текстами его сочинений, — во славу и в подтверждение их удивительной прозорливости?...» [Терц, 1992, с. 363].

Пушкинистам не хочется отдавать вопрос о смерти Пушкина на откуп случаю, специалистам представляется необходимым найти весомые основания для объяснения трагедии — научные аргументы. Однако вполне вероятно, что умирающий Пушкин (по свидетельству очевидцев) потому и был спокоен, что гений (прав Синявский, действительно, провидчески) постиг законы жизни и смерти и на промыслительном уровне ощущал неизбежность / случайность ухода.

6. Выводы

Таким образом, несмотря на видимую облегченность повествования, нам представляется, что Синявский размышляя о творчестве Пушкина и на его фоне осмысляя проблемы собственной роли в литературе, в частности, актуализируя проблему «чистого искусства», заданную им уже во «введении» исследования, следует логике научной дискурсивности, последовательно и убедительно проведенной в тексте. Именно фундаментальность и академизм (при всей их внешне фривольной форме) приводят Синявского к пониманию проблем универсализма Пушкина, природы его таланта, творческой самобытности и свободы, его роли и места в русской и миро-

вой литературе (рядом с Шекспиром, Данте, Гете). Даже умение поставить Пушкина в широкий литературный контекст — признак академического мышления исследователя-писателя.

Исследовательская стратегия (методика), обращенная Синявским к Пушкину, получает перспективу в завершении его работы (в «заключении») и оказывается приложимой к нему самому, к его переходу от литературы прошлой к литературной ситуации настоящего. Вытесненный метафорикой научный академизм нужен Синявскому в «диссертации», чтобы яснее и доступнее, открытее и честнее — через Пушкина — репрезентировать собственное видение перспектив «советской» литературы, на их фоне сформулировать собственную программу, манифестировать свои творческие принципы (в том числе «чистого искусства»), свободного от воли и диктата государства). Кольцевая и одновременно хронологически опосредованная композиция «Прогулок...» свидетельствует о логичности и последовательности исследовательского подхода Синявского-Терца, в которых ему настойчиво отказывала критика.

Прав был С. Бочаров, когда за «круглым столом» в «Вопросах литературы» говорил: «Я предлагаю спокойно принять “Прогулки с Пушкиным” в пушкиноведение» [Обсуждение ..., 1990, с. 83]. На наш взгляд, следует добавить: «Работа А. Д. Синявского отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук по специальности 10.01.01 — русская литература». Неслучайно в Сорбонне Синявский был удостоен звания профессора.

Источники

1. *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни : систематический свод подлинных свидетельств современников / В. Вересаев. — 5-е изд., доп. [Репринт. воспроизведение изд. Академия, М.-Л., 1932 г.]. — Москва : АРТ, 1992. — 632 с.
2. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц. — Париж : Syntaxis, 1989. — 207 с.
3. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц. — В книге : Терц А. Собрание сочинений в 2 томах / А. Терц. — Москва : Старт, 1992. — Т. 1. — С. 339—435. ISBN 5-85215-025-8.
4. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц // Вопросы литературы. — 1990а. — № 7. — С. 155—175; — № 8. — С. 81—111; — № 9. — С. 146—178.
5. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц // Октябрь. — 1990б. — № 4. — С. 192—199.
6. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц. — Лондон : ОРІ, 1975. — 182 с.
7. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным / А. Терц. — Париж : Б.и., 1977. — 180 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский А.* Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / А. Архангельский // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 104—107.

2. Бочаров С. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / С. Бочаров // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 78—83.
3. Волгин И. Возвращение с прогулки. К урокам одного политического процесса / И. Волгин // Юность. — 1990. — № 12. — С. 58—61.
4. Генис А. Довлатов и окрестности : филологический роман / А. Генис. — Москва : Вагриус, 1999. — 304 с.
5. Гуль Р. Прогулки хама с Пушкиным / Р. Гуль // Одвуконь два : статьи. — Нью-Йорк : Мост, 1982. — С. 5—17.
6. Казак В. Лексикон русской литературы XX века / В. Казак. — Москва : Культура, 1991. — 492 с.
7. Куняев С. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / С. Куняев // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 100—104.
8. Манн Ю. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / Ю. Манн // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 95—100.
9. Марченко А. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / А. Марченко // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 94—95.
10. Непомнящий В. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / В. Непомнящий // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 77—78; 143—153.
11. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / А. Казинцев, С. Куняев, С. Небольсин, П. Вайль, А. Генис, В. Сквозников, А. Архангельский, Д. Урнов, Ю. Давыдов, И. Золотусский, С. Ломинадзе, В. Непомнящий, А. М. Марченко, Ю. Манн, С. Бочаров, И. Роднянская, Е. Сергеев // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 77—153.
12. Орлицкий Ю. Б. Стиховая экспансия в пушкинской прозе А. Терца / Ю. Б. Орлицкий // Пушкин и поэтический язык XX века. — Москва : Наука, 1999. — 311 с.
13. Роднянская И. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / И. Роднянская // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 85—91.
14. Розанова М. В. К истории и географии этой книги / М. В. Розанова // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 154—161.
15. Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки / Г. М. Седова. — Санкт-Петербург : Росток, 2020. — 704 с.
16. Сергеев Е. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» / Е. Сергеев // Вопросы литературы. — 1990. — № 10. — С. 83—85.
17. Солженицын А. «...Колеблет твой треножник» / А. И. Солженицын // Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика. — Екатеринбург : У-Фактория, 1999. — С. 635—660.

MATERIAL RESOURCES

- Tertz, A. (1975). *Walking with Pushkin*. London: OPI. 182 p. (In Russ.).
- Tertz, A. (1977). *Walking with Pushkin*. Paris. 180 p. (In Russ.).
- Tertz, A. (1989). *Walking with Pushkin*. Paris: Syntaxis. 207 p. (In Russ.).
- Tertz, A. (1992). *Walking with Pushkin*. In: *Collected works*. Moscow: Start. 2/1. 339—435. ISBN 5-85215-025-8. (In Russ.).
- Tertz, A. (1990a). *Walking with Pushkin*. *Voprosy Literaturny*, 7: 155—175; 8: 81—111; 9: 146—178. (In Russ.).
- Tertz, A. (1990b). *Walking with Pushkin*. *Oktyabr*’, 4: 192—199. (In Russ.).

Veresaev, V. V. (1992). *Pushkin in life: a systematic collection of authentic testimonies of his contemporaries*. (5th ed.). Moscow: ART. 632 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Arkhangelskiy, A. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 104—107. (In Russ.).
- Bocharov, S. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 78—83. (In Russ.).
- Genis, A. (1999). *Dovlatov and surroundings: philological novel*. Moscow: Vagrius. 304 p. (In Russ.).
- Gul, R. (1982). The boor’s walks with Pushkin. In: *Odvukon two: articles*. New York: Most. 5—17. (In Russ.).
- Kazak, V. (1991). *Lexicon of Russian literature of the 20th century*. Moscow: Kultura. 492 p. (In Russ.).
- Kazintsev, A., Kunyaev, S., Nebolsin, S., Vayl, P., Genis, A., Skvoznikov, V. Arkhangelskiy, A., Urnov, D., Davydov, Yu., Zolotusskiy, I., Lominadze, S., Nepomnyashchiy, V., Marchenko, A. M., Mann, Yu., Bocharov, S., Rodnyanskaya, I., Sergeev, E. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 77—153. (In Russ.).
- Kunyaev, S. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 100—104. (In Russ.).
- Mann, Yu. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 95—100. (In Russ.).
- Marchenko, A. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 94—95. (In Russ.).
- Nepomnyashchiy, V. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 77—78; 143—153. (In Russ.).
- Orlitskiy, Yu. B. (1999). Expansion in verse in Pushkin’s prose by A. Tertz. In: *Pushkin and the poetic language of the twentieth century*. Moscow: Nauka. 311 p. (In Russ.).
- Rodnyanskaya, I. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 85—91. (In Russ.).
- Rozanova, M. V. (1990). To the history and geography of this book. *Voprosy Literatry, 10*: 154—161. (In Russ.).
- Sedova, G. M. (2020). *He had something to die for by the Black River*. Sankt-Peterburg: Rostok. 704 p. (In Russ.).
- Sergeev, E. (1990). Discussion of the book by Abram Tertz “Walks with Pushkin”. *Voprosy Literatry, 10*: 83—85. (In Russ.).
- Solzhenitsyn, A. (1999). “...Your tripod vibrates”. In: *Lenin in Zurich. Stories. Tiny ones. Journalism*. Yekaterinburg: U-Faktoriya. 635—660. (In Russ.).
- Volgin, I. (1990). Returning from a walk. To the lessons of one political process. *Yunost’, [Youth], 12*: 58—61. (In Russ.).